

Глава 9. На пределе жизни

Лагеря заключённых в Советском Союзе появились в первые послереволюционные годы. Разбросанные по всей территории необъятной страны, они со временем слились в своеобразный, не отмеченный на наших картах архипелаг – «Архипелаг Гулаг», так обстоятельно исследованный А.И. Солженицыным. Архипелаг рос и развивался вместе со страной. Непрерывным потоком гнали в него заключённых: с заводов, шахт, полей, из институтов и академий, из армии. В годы войны количество заключённых не только не сократилось, но даже возросло. К потоку осуждённых по традиционным политическим и бытовым статьям добавился поток «распространителей слухов» и «сеятелей паники». Всем им по специальному Указу, изданному в первые дни войны, давали по пять лет. Затем был поток «не сдавших радиоприемники и радиодетали». За одну найденную (по доносу) радиолампу давали десять лет. С конца лета 1941 года, а еще больше осенью хлынул поток окруженцев. Им, побывавшим в окружении и вырвавшимся оттуда чаще всего с боями, решением Тройки давали до десяти лет. Победа под Москвой породила поток тех, кто, по мнению властей, не эвакуировался из осаждённой столицы в ожидании прихода немцев. Не иссякал поток осуждённых по статье 58-10. Её получали эвакуированные, если рассказывали об ужасах отступления. Её получали фронтовики, посмеявшие сказать, что у немцев хорошая техника. Её получали в тылу те, кто жаловался на трудности жизни или распространял якобы клеветнические слухи, что в блокированном Ленинграде люди умирают с голода.

Лагеря заключённых власти называли исправительно-трудовыми (ИТЛ), как будто в них хотели кого-либо исправить. На самом же деле их основным назначением было давать стране дешёвую руду, уголь, лес; строить заводы, дороги, целые города. К миллионам заключённых Архипелага в годы войны добавились сотни тысяч трудармейцев, значительную часть которых составляли российские немцы. Условия их содержания мало, чем отличались от жизни заключённых: зона, колючая проволока, вооруженная охрана, работа и передвижение под конвоем, голодный паёк. В зависимости от контингента (статей и сроков) ИТЛ подразделялись на лагеря общего содержания, режимные лагеря и спецлагеря.

Усольлаг, в который прибыл наш этап, был лесозаготовительным лагерем общего содержания и входил в систему главного управления лагерей лесной промышленности (ГУЛЛПа). Незадол-

го до нашего прибытия от него отпочковался Ныроблаг. Эти два лагеря занимали северную часть тогдашней Молотовской, теперь Пермской области, охватывая территорию, сравнимую с такими европейскими странами, как Бельгия, Нидерланды или Дания. Начальники этих лагерей были полновластными хозяевами подопечных территорий. Заготавливаемый в них лес частично сплавлялся по Каме, частично перерабатывался на расположенных в Молотовской области бумажных, фанерных и домостроительных комбинатах.

Усольлаг состоял из нескольких десятков отдельных лагерных пунктов, ОЛПов. Среди них один комендантский (КОЛП), базировавшийся в г. Соликамске. Его обычно называли пересылкой. Через неё проходили все поступающие и убывающие из Усольлага заключённые. В состав Усольлага входили также Нижне-Мошевская больница и сельскохозяйственный ОЛП «Солянка». Были и строительные ОЛПы. Но подавляющее большинство ОЛПов были лесозаготовительными.

Каждый лесозаготовительный ОЛП примыкал к какой-либо реке, к которой свозили и по которой потом сплавляли заготовленную древесину. Основной водной артерией для Усольлага была Кама и её приток Вишера, а также их более мелкие притоки: Язьва, Колва, Пильва, Коса, Уралка и другие. Состоял ОЛП из нескольких лагерных пунктов - лагпунктов (ЛП), которые обычно называли «командировками». Среди них один «Штабной» ОЛП, где находилось руководство ОЛПа. Остальные лагпункты - производственные. Каждый лагпункт, как правило, включал жилую и производственную зону, городок военизированной охраны (ВОХР), где, кроме конвойного и надзирательского состава, жили семьи руководящего и обслуживающего вольнонаёмного персонала. Здесь же находились склады, электростанция, коммутатор телефонной связи.

Жилая зона имела обычно форму прямоугольника площадью от одного до трёх гектаров и была окружена высоким, в два-три человеческих роста, частоколом с натянутой поверх него колючей проволокой. По углам сторожевые вышки. По периметру, с внутренней его стороны, двухметровая запретная зона - «запретка» - вскопанная и рыхлённая граблями полоса земли, отгороженная от внутренней части зоны всё той же колючей проволокой. Ступивший на «запретку» рисковал многим, даже жизнью. Выход из зоны через вахту, рядом с которой ворота и столб с подвешенным к нему куском рельса. Ударами по нему заключённые оповещались о подъеме, разводе, отбое.

Внутри зоны бараки, среди которых один занят под пищеблок (кухня, столовая, хлеборезка), другой под баню, прачечную, парикмахерскую. Отдельно по разным баракам, а иногда концентрируясь в одном, размещались больница, амбулатория или санчасть. Остальные бараки жилые. Пошивочные и ремонтные мастерские, каптерка, культурно-воспитательная часть (КВЧ), учетно-распределительная часть (УРЧ), контора и другие службы обычно размещались по отдельным секциям жилых бараков. На каждом лагпункте обязательно или штрафной изолятор, или барак усиленного режима (БУР).

Это, так сказать, общая, абстрактная архитектура лагпункта. В каждом же конкретном случае отклонения от этой схемы бывали весьма существенными.

Соликамский КОЛП. В нем мы пробыли не больше недели, пока определялась наша дальнейшая судьба. Все эти дни нас держали в карантинной зоне, отгороженной от основной узким проводочным коридором. Так что прямого контакта с местным уголовным миром не произошло. Конечно, и в нашем национально однородном этапе были уголовники, но было их совсем немного, и не они задавали тон. Явно доминировали сельские жители, немного растерянные, но сохранившие чувство крестьянского достоинства. Их мозолистые, привыкшие к физическому труду руки внушали доверие, а немецкая, пусть не очень литературная, речь пробуждала воспоминания детства.

Городских было значительно меньше. Держались они обособленно, много о чём-то говорили, спорили, чаще по-русски. С одним из них, бывшим студентом ангельского пединститута, я познакомился. Если не путаю, его фамилия была Фиш. Имени не помню. Во время высылки немцев он сбежал в одно из русских сёл попрощаться со своей невестой. Она была русской и долго не могла понять, не хотела верить, что их разлука неизбежна. Их расставание затянулось. Когда он возвратился, его отправили в трудармию, и всё закончилось бы сравнительно благополучно, если бы не невеста. Придя домой, она закатила отцу истерику, обвинив его, партию и руководство страны во всех своих бедах. При этом присутствовали посторонние. Фиша розыскали, привезли в Ангельс и судили вместе с невестой по статье 58-10, и ему и ей дали по 10 лет ИТЛ.

Фиш лучше меня владел немецким и легче устанавливал контакт с бывшими колонистами, многие из которых очень плохо говорили по-русски. Судьбы многих из них были столь же нелепы и трагичны, как и судьба самого Фиша. Помню историю одного ста-

рика. Как и у Фиша, у него арест был связан с выселением немцев. Эшелон долго не отправляли. Поздно вечером он, обманув бдительность охраны, окольными путями вернулся в свою деревню, благо, она была недалеко, чтобы спустить с привязи корову. Вернувшись, он громко рассказывал односельчанам, как страшно было в деревне ночью, как выли собаки и мычали коровы. Естественно, что кто-то тут же донёс. Ему дали десять лет и отправили на лесоповал.

Были в нашем этапе и старые лагерники, чудом сохранившие жизнь после нескольких лет общих работ. Они со знанием дела готовились к зиме: ремонтировали обувь, чинили отороченные мехом душегрейки, бушлаты, рукавицы. Были, конечно, и ссоры, и ругань. Молодые ругались по-русски, пожилые чаще по-немецки. А я-то по наивности думал, что таких слов в немецком языке нет. И всё-таки мне было хорошо настолько, насколько это возможно в условиях лагеря. Конечно, кормили нас весьма скудно, но зато и на работу не гоняли. Мы слонялись по узкому пространству карантинной зоны, наслаждаясь неожиданным отдыхом, свежим воздухом и гадая, что нас ожидает. Кайзер и Горн вели какие-то сложные переговоры со старостами бараков, им было явно не до меня, а я этому был в какой-то мере даже рад. Грех было жаловаться на судьбу. Беспокоила разве что солоноватая вода да обидная кличка «фашисты», которой награждали нас из-за колючей проволоки заключённые основной зоны.

К сожалению, всё это быстро кончилось. Был сформирован этап, направляемый в Березовский ОЛП. Длинная колонна, сопровождаемая усиленным конвоем и собаками, двинулась на север по Соликамскому тракту. Моросил мелкий осенний дождь, одежда и обувь промокли. Размякла и спрятанная под рубашкой пайка хлеба, выданная в качестве сухого пайка на всю дорогу. И это беспокоило больше всего. В довершение всех бед лопнул ремешок, которым была подвязана отваливающаяся подошва ботинка. Остановиться было невозможно, и мне приходилось рывком выбрасывать вперед ногу, чтобы злополучная подошва, подвернувшись, не оторвалась окончательно. Ночевали в бараках какого-то заброшенного лагпункта. Их маленькие окна были забиты толстыми досками, двери заперты. Внутри кромешная тьма. Спали кто на нарах, кто прямо на полу. И ничего похожего на парашу. Я надолго запомнил эту ночь. Утро было ясным и лучезарным, воздух напоен ароматом хвои. Но промокшая одежда противно липла к телу, а отсутствие пайки, которую я вынужден был съесть во тьме барака, делало жизнь пустой и бессмысленной.

К вечеру пришли на штабной лагпункт Березовского ОЛПа. Здесь всех нас рассовали по баракам на «свободные» места. Многим, в том числе и мне, пришлось устраиваться прямо на полу. Лишённый всякого покровительства, вырванный из среды в какой-то степени близких мне людей, я в одно мгновение оказался один на один с враждебной мне стихией. Потом, позже, на рабочем лагпункте, когда я стал членом бригады, это ощущение уже не было столь острым, бригада - это все-таки какая-то защита. Здесь же я чувствовал себя совершенно незащищённым. Хорошо ещё, что у меня не было вещей, которые могли бы заинтересовать урок. Хуже было тем, у кого было что отнять. Утром нас погнали на комиссию. Мы входили в небольшой кабинет, где за столом сидело несколько военных, поворачивались к ним спиной и спускали штаны. По округлости наших, простите, ягодиц, высокое начальство определяло категорию труда. Мне досталась первая и, следовательно, лесоповал. В тот же день всех, кого признали годными для работы в лесу, направили этапом на командировку «Колынва» (не путайте с Колымой!).

Колынва - самый обычный производственный лагпункт лесозаготовительного ОЛПа. Лесоповал, трелёвка, вывозка заготовленной древесины. Для проведения лесозаготовительных работ обычно выделялся прямоугольный участок леса площадью в 20-30 гектаров. По его периметру создавалась зона оцепления. Лес вырубался под корень широкой десятиметровой полосой, кустарник и высокая трава срезались и вытаптывались. По углам участка, а иногда и чаще, ставились сторожевые вышки. Когда зона оцепления была готова и вышки заняты охранниками, в неё запускались рабочие бригады. Чаще всего в каждой такой бригаде были вальщики, сучкорубы, кострожогги, раскряжёвщики. Но иногда все эти виды работ выполнялись одним звеном. Лесоповал во все времена считался очень тяжёлой работой. А в те годы, когда валку вели обычной двуручной пилой, она была просто каторжной, особенно зимой. Не случайно в годы войны (при военном питании) звали лагерники три недели лесоповала сухим расстрелом.

Мне ещё повезло. Знакомство с лесоповалом началось для меня осенью, когда ещё не было ни снега, ни обжигающих морозов. И напарник оказался хороший. Старый, умудрённый лагерник, в прошлом латышский стрелок. Звали его Ян, фамилию не помню. Был он лет на 20-30 старше меня и ко времени моей с ним встречи успел отсидеть уже около пяти лет. В его лице я получил нового покровителя и был этому очень рад. Был Ян огромного роста, физически сильный, но очень худой. Бледное, с синевой лицо резко

контрастировало с ярко рыжей, лохматой бородой. И хотя он не был начитан и образован, но полон до краев житейской и особенно лагерной мудростью. Когда бригадир поручил ему в течение недели обучить меня основным приёмам работы с пилой и топором, он, скептически оглядев меня и похмыкав, глухим голосом с сильным латышским акцентом проговорил «попробую». Был он хорошим учителем и очень добрым человеком, но с хитрецей, без которой в лагере, да еще на общих работах, не обойтись. Уже в первые дни работы в лесу он понял, что учить меня придётся долго. Пилил я рывками, торопливо дергая и толкая пилу, часто не попадая, от чего она жалобно стонала и изгибалась. Выдыхаясь, сползал на колени и тогда исчезал размах, движения рук становились короткими и отрывистыми. В таких случаях Ян отпускал ручку пилы, выпрямлялся, молча доставал свой сшитый из цветных лоскутов кисет, бережно скручивал самокрутку и, отворачиваясь от ветра, закуривал. Пока он курил, я успокаивался, поднимался на ноги, занимал нужную позицию, и всё начиналось сначала. К концу отводимой новичкам недели, когда с них не спрашивали норму, я, благодаря терпению Яна, овладел пилой и топором. Со второй недели положение осложнилось. Теперь от нас требовали норму. Мы же с трудом делали (из-за меня, конечно) лишь половину. Но Ян успокаивал: «Не спеши, не надрывайся, пусть будет штрафная пайка, лишь бы не посадили в изолятор. Тот, кто, надрываясь, вытягивает норму, неизбежно погибает, слишком плохое питание». В совершенстве владел он искусством по два-три раза сдавать десятнику одно и то же бревно, отторцовывая тонкий слой с клеймом. Важно было не переборщить, не нарушить допустимые погрешности в длине бревна, кроме того, надо было сжечь или закопать отпиленный диск. Научил он меня правильно выбирать направление, в котором нужно было положить падающее дерево. Нам почти никогда не приходилось обращаться к помощи багров или рогатин. Пытался он научить меня править пилу, но успеха в этом не достиг.

Осень была тёплой, но дождливой. Мы быстро промокали, особенно когда приходилось валить ели. Ноги, обутые в пайпаки (длинные ватные чулки) и лапти, промокали до колен. Мучил голод. Все мысли о пайке. Пока шли до рабочего места, она, завернутая в тряпицу, надёжно хранилась за пазухой. Но с началом работы пайку приходилось перекладывать в котелок, иначе она мялась и крошилась. Однако котелок, привязанный к поясу, болтался, и пайку можно было потерять, более того её могли отнять. Надежнее было её съесть, но Ян не разрешал:

– Пайка никуда не денется. Съешь с баландой, так будет сытнее, – уверял он.

Но я в этом был не уверен и каждую свободную минуту проверял рукой, на месте ли она. К тому же так медленно тянулось время и так хотелось есть. Когда, наконец, приносили баланду, все устремлялись к бачкам. Усевшись на только что поваленное дерево, начинал исследовать доставшуюся порцию. Был доволен, если на дне удавалось обнаружить гущу из крупы, рыбных костей и хотя бы пару мелких неочищенных картофелин. Но чаще всего баланда была голой, и её можно было пить как чай. И все-таки черпали ложками. Ян утверждал, что так сытнее. Сожалели, что баланда еле тёплая. Горячая пища, как нам казалось, лучше утоляла голод. После обеда работалось плохо, но не из-за полного желудка, конечно. Просто уже не было сил. Тянули время, сжигая оставшиеся сучья и подрубая кустарник. А ведь ещё нужно было дотащиться до жилой зоны.

Наконец съём. Спешим к проходной. Строимся бригадами. В руках пилы, топоры. Тому, кто не смог осилить половину нормы, придётся тащить «пропуск» – толстое двухметровое бревно, хорошо если сухое. Это не только наказание. Ведь для кухни нужны дрова. Лошадей же для хозработ не выделяют. Для этого используют зеков. Некоторые добровольно, но чаще по поручению бригадира несут вязаночки дров для барака. Идти до жилой зоны не меньше трёх километров просекой с торчащими пнями, корягами, ямами. А ноги уже почти не поднимаются. Когда, наконец, показывается жилая зона, понуро шагающая колонна оживает. Теперь надо сдать инструмент в инструменталку. Штрафники сваливают «пропуска» и торопливо занимают свои места, дабы не задерживать бригаду. Начинается «шмон», более тщательный, чем утром: надзиратели следят, чтобы в зону не внесли чего-нибудь металлического.

Наконец мы в зоне. Сначала в жилой барак за вечерней пайкой. Помощник бригадира уже колдует над плоским деревянным ящиком с разложенными в нём кусочками хлеба. Так как они маленькие (вечерняя норма 100-150 граммов), то почти никакой надежды получить заветную горбушку. Получаю плоский кусочек сырого, как глина, хлеба с приколотым к нему довеском. Бережно заворачиваю его всё в ту же тряпицу и прячу за пазуху. Теперь в столовую. Длинное, приземистое, похожее на сарай, строение, маленькие закопчённые окна, полумрак. Посередине длинные, сколоченные из плохо оструганных досок столы, лавки. В дальнем конце раздаточное окно. Около него очередь. Впереди ударники,

им, помимо черпака баланды, причитается «премблюдю» – черпак овсяной каши или пара кусочков варёного турнепса, иногда маленький пирожок с картошкой, естественно нечищенной. Считается, что кожура содержит витамины. Через раздаточное окно дурмящий запах жареной картошки – это готовят ужин привилегированной части зековского населения: коменданту, нарядчику, мастеру. Пока получаю свой черпак баланды, темнеет. В столовой дневальный начинает жечь заготовленные днем длинные смолистые лучины. Отгоревшую часть стряхивает в миску с водой. Хотя от них больше дыма, чем света, но без них нельзя. Было бы совсем темно.

Всё! День закончен. Надо идти в барак. Скоро начнется «проверка» - передача заключённых новой смене охраны. Счет идет по головам. Переходя из барака в барак, представители обеих смен в сопровождении надзирателей считают выстроившихся вдоль нар заключённых. В это время хождение по зоне категорически запрещено. И всё же результаты счёта не всегда совпадают со списочным составом, и тогда процедура начинается сначала. Иногда такое несовпадение результат карточной игры: проигравший должен спрятаться и сорвать проверку. Если проигравших несколько, то проверка может затянуться до глубокой ночи. Такие забавы уголовников нам дорого обходились. Обозлённая охрана срывала на нас свою злобу утром на разводе.

Но вот проверка закончена и можно устраиваться на ночлег. Жилой барак, перегороженный на четыре секции. В каждой секции - бригада (от 30 до 50 человек). Внутри секции вдоль стен два яруса сплошных голых нар. Вместо подушек доска, образующая с поверхностью нар угол в 45 градусов. И, конечно, ни матрацев, ни одеял. Спим, завернувшись в телогрейки или бушлаты. Под головами шапки с привязанными к ним котелками, чтобы не украли. Немощные старики при нужде, чтобы ночью не спускаться с нар, мочатся в них, а утром, ополоснув, идут в столовую. Ничего страшного. Пьют же некоторые ради здоровья мочу. Хуже если днем на работе идёт дождь. Тогда верхнюю одежду приходится сдавать на просушку, а самим спать на голых досках. А ведь у большинства заключённых только кожа да кости. Ночные муки усугубляются полчищами клопов, которые жгут, как крапива, и от укусов которых тело покрывается волдырями.

Глубокая осень. В дымке утреннего тумана видны потускневшие стволы сосен, темная повлажневшая хвоя елей. Между ними то тут, то там жёлтая поблёкшая листва обожжённых холодом берёз, в лощинах багровые кроны осин. Левитановский пейзаж. Но

вся эта красота не для нас. Лес пошёл редкий, много осин. Норму здесь не выполнишь. Грибы и ягоды закончились. К тому же почти каждый день дожди: мелкие, морозящие, иногда со снегом. Когда в шесть часов утра начинает глухо звенеть рельс, я просыпаюсь совершенно разбитым. Еще совсем темно. На охранной зоне ярко горят лампочки, с вышек вдоль запреток светят прожектора, и от этого небо кажется еще чернее. А в бараках жгут лучины. Выходить на улицу и умываться не хочется. Хочется как можно дольше сохранить барачное тепло. Снаружи похолодало, в лужицах хрустит подмёрзшая вода. С чёрного неба падают редкие снежинки. Надвигается страшное для лесоповала время. А я после трех недель работ совсем потерял силы. Яна и еще нескольких бывших латышских стрелков этапировали на другую командировку, и бригадир поставил меня на обрубку сучьев. Теперь, лишившись поддержки Яны, я совсем потерял присутствие духа. Все мысли были сосредоточены на пайке, а она с переводом меня на обрубку сучьев существенно сократилась.

Ко всему этому - одиночество! Одиночество на людях. Людей полно. Они со всех сторон. И днем и ночью. Их храп, их стоны, их брань, их жадные взгляды, следящие за каждым движением соседа, жующего припрятанный кусочек хлеба, и тяжёлый спёртый воздух в ночном бараке. И ни одного уголка, в котором можно было хотя бы на минуту уединиться. Разве что натянуть на голову телогрейку, как в детстве, когда было страшно. И при всем этом некому пожаловаться на судьбу, рассчитывая на сочувствие. Каждый занят только собой, своим голодом, своей болью, своими проблемами. Когда-то на Соликамской пересылке, общаясь с бывшими колонистами, мечтал, восстановить свои знания немецкого языка. Какая наивность. Всех нас с того этапа тщательно рассовали по разным командировкам, бригадам, звеньям. А те немцы, которые оказывались в одной бригаде, а следовательно, в одном бараке, опасались не то что говорить по-немецки, но даже вообще общаться. Когда при перекличке выкрикивали их немецкие фамилии, они сжимались, втягивая головы в плечи, и жалели, что находятся не в режимном лагере, где у заключённых вместо фамилий номера. Они не обижались. Жизнь заключённых с началом войны существенно ухудшилась. Нормы питания снизились более чем в три раза, исчезли ларьки, вагонки, матрацы, одеяла, построжел режим. Естественно, что отношение к немцам - неважно каким, германским или своим - было в то время не из лучших. Во всяком случае они так думали.

Иногда, чаще после отбоя, в бараке начинались общие разговоры. Говорили главным образом о еде, о прошлом благополучии, как правило, вымышленном. Иногда о женщинах, чаще всего непристойности. Но последняя тема в те времена не очень трогала изголодавшихся людей, и разговоры вновь возвращались к еде. Иногда говорили о войне. Здесь реальность густо смешивалась с вымыслом. Ведь никакой официальной информации не было. Не было ни газет, ни радио. О положении на фронте судили по настроению охраны. Некоторые сведения получали от свежих этапов. Но информация была устаревшей. Положение же на фронте, после некоторого облегчения летом, к осени опять ухудшилось. Потерпев поражение под Москвой, немецко-фашистское командование бросило все силы на южное направление. К осени сорок второго противнику удалось полностью захватить Украину, Кубань, Северный Кавказ, ликвидировать Керченский и Севастопольский плацдармы советских войск в Крыму, выйти к Воронежу и к Волге в районе Сталинграда. Началась кровопролитная Сталинградская битва.

В Тамбове мама обивала пороги тюрем и канцелярий МВД, пытаясь разыскать мои следы. Только в конце октября ей сообщили, наконец, мой адрес: АМ-244/8. С красными от слёз глазами собирала она первую для меня посылку: тёплые носки, кусок сала, сухари и махорку. В первых числах ноября Эрночка с Лизой и ребяташками уехали в Сибирь, в село Сара-Балык Новосибирской области, где на спецпоселении находился Петин отец и сестры. Сам Петя был в трудармии, Ляля в Падах. Мама осталась совсем одна. Ей 68 лет, у неё маленькая пенсия. Получаемый по иждивенческой карточке хлеб она резала на сухари. Сухари мне. Себе не более 100 граммов в день. Питалась в основном картошкой, которую ей посылала из деревни Ляля. В светлое время дня вязала свитер. Вязала, распуская сохранившиеся от старого времени вязаные вещи, в том числе и свою кофточку. Вязала для меня. За эти полгода она сильно постарела, осунулась. Лицо в морщинах, руки трясутся, серые глаза потускнели. Знакомые советовали продать дом и ехать к Ляле. Но она отказывалась. Здесь всё напоминало обо мне. Сюда могло прийти мое письмо. Что ей война, что ей трудности жизни, лишения, голод. Ей нужна была весточка от меня.

А я рубил сучья. И весь мир для меня сузился до видимой части пространства. Нет, я, конечно, думал о маме, о родных, но это главным образом щемящие душу воспоминания. Первое письмо домой я сдал в КВЧ только в октябре, маленький солдатский

треугольник. Следующее только через месяц. В письме ничего не значащие слова. Иначе цензура не пропустит.

В начале ноября окончательно лёг снег. Под его тяжестью пригнулись к земле ветви столетних елей, осела пожухлая трава. С берёз и осин облетела последняя листва. На пнях снежные шапки. И холод! Он быстро проникает под тощую телогрейку, в дыры рукавиц. Дольше всего держат тепло пайпаки. Но в то утро мне не повезло. Провалился в схваченную сверху льдом и припорошенную снегом яму с водой. На промокшие лапти налипли комья снега. Лазить через поваленные сосны, чтобы занять правильную, предписанную техникой безопасности, позицию, стало невозможно. Рубя толстый сук, поставил ноги по разные стороны бревна. Удар, еще удар. Топор, не удержанный замерзшей рукой, скользнул по поверхности ствола и углом лезвия ударил по ноге. Пробив ватный пайпак, поранил лодыжку большой берцовой кости правой ноги. Особой боли не чувствовал, но крови было много. Вечером в санчасти мне сделали перевязку и дали освобождение на три дня.

Получить травму на лесоповале совсем просто, особенно в зимнее время, когда сугробы затрудняют маневрирование. Неудачно упавшее дерево или сук, недостаточно глубокий заруб, из-за чего ствол ломается выше пропила, и его отбрасывает на не успевших отскочить лесорубов, ну и, конечно, топор, особенно в ослабевших руках. Всё представляло опасность. И возвращались зеки в зону со сломанными руками и ногами, пробитыми черепами, рублеными ранами на ногах и руках, а то и без пальцев или даже без кистей рук. Но травма в лагере, особенно в военное время, это не только боль, потеря трудоспособности, увечье. В ней таилось нечто гораздо более опасное: подозрение в умышленном членовредительстве, саботаже, за которые по законам военного времени можно было получить расстрел. Если травма заканчивалась смертью пострадавшего, то начинали искать виновных, конечно, среди заключённых. К ответственности привлекали бригадира, десятника, мастера. Если же пострадавший оставался в живых, то на него заводили новое дело, пытаясь доказать, что сделал он это умышленно, чтобы ускользнуть с общих работ. С особым подозрением относились к тем, у кого в личном деле значилось «использовать только на общих работах».

Мне вновь повезло. Во-первых, на меня не завели дела, во-вторых, нога заживала довольно быстро, и, наконец, за неделю отдыха в зоне я сблизился с Иоганном, врачом лагпунктовской санчасти. Арестовали его еще в тридцать седьмом и по статье 58-

10 дали пять лет. Летом сорок второго срок заключения закончился, но на освобождение не вызвали, и он нервничал, не без основания ожидая, что дадут новый срок, явление в те годы обычное. Наше с ним сближение, так же, как в свое время сближение с Кайзером и Горном, состоялось благодаря шахматам. Иоганн оказался большим любителем этой игры. Теперь, когда ему хотелось поиграть, он устраивал мне освобождение, благо, к этому были все основания. В такие дни мне перепало и что-нибудь из еды. Я начал оживать. Но длилось это счастье недолго. Уже в конце ноября, с приходом свежего этапа, всех неперспективных для работы на лесоповале, и меня в том же числе, этапировали на командировку «Волим».

«Волим» - командировка, на которую собирали все «отходы» производства: травмированных, хроников, истощённых, а также уголовников, прежде всего рецидивистов и воров в законе, отправить которых на лесоповал начальству не удавалось. Для начинающего лагерника в этом была некая тайна, особенно если учесть, что за свой дерзкий отказ «мы его не сажали и рубить не будем» эта категория заключённых никакой ответственности не несла. Была на Волиме больница, на которую свозили со всех лагпунктов Березовского ОЛПа тяжелобольных. Здесь же ремонтные и пошивочные мастерские, цех лаптеплетения, работа в которых - предел мечтаний обессиливших, но еще не потерявших рассудок зеков. И хотя пайка здесь совсем маленькая, но зато в тепле и работа физически не тяжёлая. Было и здесь несколько лесозаготовительных бригад, в одну из которых я и был направлен. И всё для меня началось сначала. Но теперь была зима, морозы, снег. Прежде чем начинать валить дерево, вокруг него нужно было утоптать доходящий до груди снег. Затем, когда в великих муках спиленная сосна или ель, падая, утопала в белоснежном искрящемся снегу, нужно было добраться до её сучьев, втискивая разлапистые ветви в снег. Наконец, срубленные ветви надо было протащить сквозь сугробы, сложить в кучу и сжечь, а они не горели, а только дымили. И негде было даже погреть руки. Но и это не всё. Закоченевшими пальцами очищенную от веток лесину необходимо было разметить по стандартам и распилить, да так, чтобы отходы были минимальными. Вальщики в этом были кровно заинтересованы. Ведь норма на двоих - 10 кубометров деловой древесины. А это не два и не три, и даже не десять деревьев. Не всегда же так везёт, чтобы поваленная сосна потянула сразу на целый кубометр, да и валить нужно было все деревья подряд: и выгодные, и невыгодные. И вот уже руки мои с трудом держат топор, но-

ги, налившись свинцом, не движутся, поясница не гнётся и кажется, что даже душа промерзла насквозь.

Я стал быстро сдавать. Начавшая было заживать рана, опять раскрылась. Образовалась круглая язва размером с хороший пятак, в центре которой обнаженная кость. Рана приставала к пайпаку. Вынужден был сделать в нём круглую дыру. В неё набивался снег. Когда я обратился в санчасть, пожилая фельдшерица - точно помню, что звали её Ольга Ивановна Попеня, - долго рассматривавшая мою рану, стала интересоваться обстоятельствами, при которых я поранил ногу. Наверное, думала, что травма умышленная. Я дипломатично передал ей привет от Иоганна, дав понять, что знаком с ним лично. Наконец, получил освобождение на три дня.

Днём, в рабочее время, командировка Волим, её жилая зона, совсем не похожа на то, к чему я привык на Колынве. Там после развода пустота и тишина, людей почти не видно. Здесь же их полно. После развода на работу в мастерских (они в зоне) и контору тянутся мастерские, нормировщики, плановики. В бараки возвращаются отдежурившие санитары. У вахты в белых дублённых полушубках топчутся надзиратели и охрана. Ждут нарядчика и коменданта. Будет утренняя проверка. Тех, кто не вышел на работу и остался в зоне не будучи внесённым в списки освобождённых, потащат, иногда волоча по снегу за ноги, в изолятор или на хоздвор: колоть дрова для кухни. Несколько заключённых, прячась между бараками, спешат к санчасти вымаливать освобождение. Но надежды их тщетны, отпущенная медикам норма давно израсходована. И больные это знают и всё-таки идут, надеясь, что здесь, у стен больницы, их хотя бы не будут бить. После проверки к кухне потянутся доходяги. Призрачные, как тени, измождённые фигуры. Весь день они будут выпрашивать у поваров и судомоек обмытки, и рыться в кухонных отбросах, ссориться, жалобно причитать. Но не судите их строго, не думайте, что вы никогда ни за что не унизились бы до такого положения. Когда человек систематически, изо дня в день на протяжении многих месяцев получает лишь половину тех калорий, которые необходимы для его биологического существования, то он не только худеет, не только теряет силу. Перерождается его психика. Такой человек уже не способен объявить голодовку и сознательно принять голодную смерть. Для такого действия нужно иметь здоровую голову и непомутненный рассудок. Лагерный доходяга - это определенная стадия, ступень, фаза в жизни заключённого, волей судьбы направленного на общие работы и не имеющего никакого дополнительного приварка.

Шаг за шагом опускается он по ступеням в пучину голода, холода, отупения. Сначала лесоповал и семисотграммовая пайка, не вмещающая энергетических затрат. Через некоторое время, чаще всего через три-пять недель, ослабевшего вальщика переводят на более лёгкую работу - обрубку сучьев и раскряжёвку, но при этом пайку снижают до пятисот граммов, процесс истощения продолжается. Следующий шаг - перевод в кострожоги и пайка в четыреста граммов. Процесс падения необратим. Остановить его могло только нечто необычное, например, получение посылок или устройство в контору хотя бы дневальным, но и то при условии, что истощение не достигло определённого предела, после которого желудок утрачивал способность усваивать пищу.

Среди доходяг представители различных слоёв общества: рабочие, крестьяне, совслужащие, научные работники, военные; молодые и старые, слабые духом и мужественные. Разница только в скорости, с которой они спускались по этой лестнице. Их ряды систематически пополнялись. Ими была бы заполнена зона, если бы не высокая смертность. Не проходило дня, чтобы двух, трёх умерших от истощения не выносили за зону. Там их раздевали до гола (одежда нужна другим, которые способны еще работать), связывали руки и ноги, к большому пальцу ноги привязывали бирку с лагерным номером и, проверив, действительно ли мертв, клали в специально построенный для этого сарай - лагерный морг. По мере накопления, один раз в неделю, голые, заочневшие трупы складывали в установленный на санях широкий ящик, укрывали какой-нибудь дерюгой и вывозили в лес. Там их вываливали в большую, еще по теплу вырытую яму, на дне которой запорошенные снегом такие же голые трупы. Землей яму забрасывали летом, когда оттаивала земля. А до этого их слой за слоем заносило снегом. Пожалейте их. Я тоже спускаюсь по этой лестнице. Уже пройдена вторая ступень. Спасет ли что-нибудь меня от кажущегося таким неизбежным конца?

Прошло три дня. Я снова в санчасти. Ольга Ивановна, сделав мне перевязку, предложила временно, пока не выйдет из больницы статистик, помочь ей в расчетах калорийности котлового довольствия. В это трудно было поверить, но оказывается, в соответствии с инструкциями вышестоящих инстанций, на каждом лагпункте каждый день, пользуясь специальными таблицами, подсчитывали калорийность приготовляемых блюд. В инструкции, с которой меня ознакомила Ольга Ивановна, так и было написано «блюд». Почему-то именно это слово особенно поразило меня. Я представил себе полутемную, закопчённую лагерную столовую и

услужливого, улыбающегося официанта, разносящего в серебряных блюдах лагерную баланду. Поразила и сама таблица, в которой, помимо калорийности хлеба, круп, овощей, рыбы и растительного масла, приводились данные по телятине, говядине, свинине, яйцам, молоку, сметане, сливочному маслу и многим другим продуктам, о существовании которых большинство заключённых давно забыли. Подсчет калорийности производился по котловкам, в которых указывалось, сколько граммов рыбы, крупы, картофеля, капусты и растительного масла будет заложено в котёл в расчете на одну порцию. Суммируя калорийность «блюд», получаемых отдельным заключённым в день, не считая хлеба, я никогда не получал значений, превышающих 1000 калорий, даже с учетом премиальных блюд, предназначенных ударникам. Присоединяя сюда 700 граммов хлеба, которые полагались вальщику при выполнении нормы, получалось в общей сложности около 2500 калорий, т.е. как раз половина того, что должен получать человек, занятый тяжёлым физическим трудом. Заключённые же, выполняющие работу, не связанную с физическим трудом, имея пайку хлеба в 400 граммов, получали не более 1600 калорий при норме 3000 калорий в день, а неработающие доходяги не более 1200-1400 калорий. Картина с калорийностью питания станет ещё более мрачной, если учесть страшные холода в зиму 1942-43 годов, качество продуктов (картофель и капуста были, как правило, морожеными и наполовину сгнившими) и, главное, то, что по крайней мере треть рыбы, растительного масла и крупы уходила на сторону. За счёт этих недополученных в зековский котёл продуктов подкармливался руководящий вольнонаёмный состав, надзиратели, охранники. Постоянной заботой поваров было приготовление особых блюд для коменданта, нарядчика, технорука, старшего бухгалтера и уголовной элиты, которая для кухонных работников была страшнее современных рэкетиров.

Уголовники в лагере. Это большая и сложная тема. Здесь много мифов, большинство из которых они сами распространяют о себе, например, миф о жёсткой дисциплине в их среде; миф о сплочённости, взаимной выручке; миф об уголовной этике и романтике их жизни. Непосредственно с ними, если не считать Кайзера и Горна, я долго не сталкивался, и ничего плохого лично мне они не сделали, но их разрушительное влияние на жизнь заключённых наблюдал с первых дней пребывания в лагере.

Впервые заключённый сталкивается с уголовниками, когда они отбирают у него принесённые с воли вещи, делят полученную им посылку или, придавив к полу, вырывают изо рта золотую ко-

ронку. То, что «вор в законе» никогда не отберёт у заключённого его пайку, тоже миф. В камере уголовники занимают лучшие места, заставляя новичков довольствоваться местом на полу у параша. В лагере часть выполненной работягами нормы бригадир и десятник вынуждены были записывать тем самым «ворам в законе», которые в бараке за игрой в карты хвалились тем, что за время пребывания в заключении ни разу не взяли в руки ни пилы, ни топора. Бытовики и уголовники по сравнению с политическими имели в лагере многие преимущества. Только из их числа назначались коменданты, нарядчики, бригадиры, десятники, бракеры, воспитатели. Только из них состояла обслуга: повара, парикмахеры, банщики, конторские служащие. Только они могли рассчитывать на бесконвойное хождение за зоной (по пропускам). Когда не хватало вольнонаёмных, а это в военные годы бывало нередко, из их числа формировалась охрана. Они не только разували и раздевали прибывающие этапы, но и сбывали свою добычу за зону в обмен на табак и водку (или самогон). Особым спросом при этом у вольнонаёмных пользовались офицерские сапоги, шинели и другое воинское обмундирование.

Если бы работягам предложили ранжировать причины многочисленных бед, которые обрушивались на них в лагере, то на первое место они безусловно поставили бы голод, систематическое недоедание, на второе - тяжёлый физический труд, на третье - бытовую неустроенность и холод. Уголовники в этом ряду едва ли заняли бы даже четвёртое место. Действительно, на первый взгляд казалось, что досаждали они только наиболее состоятельной части лагерного населения. Но это было глубоким заблуждением. На самом деле вся эта армия уголовников, а их на командировке Волим было особенно много, существовала за счёт труда теряющих силу и жизнь работяг. Кроме того, уголовники в зоне усиливали атмосферу беззакония и террора.

Работа в санчасти была для меня если не спасением, то, во всяком случае, передышкой. Я старался всеми силами закрепить свое положение. Помимо подсчета калорийности, вёл всю канцелярскую работу, привёл в порядок картотеку больных, истории болезней. Ольга Ивановна была очень довольна и в меру своих возможностей помогала мне: помогла сменить рваную телогрейку на бушлат, достала ватную лагерную шапку-ушанку, изредка отдавала свою вечернюю порцию баланды. Однако в остальном жизнь моя была хуже, чем на Колынке. Списанный по болезни из бригады, я был переведен в бесхозный барак с постоянно меняющимся составом заключенных. Жили здесь доходяги, отказники, хроники,

мелкие воришки и жулики. В центре барака, печь, у которой сверху вынута металлическая плита, точнее, металлические полосы, заменяющие плиту. Стоят одни стенки. В ней тлеет несколько поленьев. Дым по всему бараку. Но никто не возражает, всё-таки хоть какое, а тепло. Около печи сгрудились уголовники, курят. Кто-то отрывает от нар доску, ломает её и подбрасывает в печь. Летят искры. Багровые отблески мелькают по потолку, стенам. В бараке не более 6-8 градусов по Цельсию. Маленькие окна покрыты толстым слоем льда и снега. Перекосившаяся дверь закрывается с трудом. Каждый входящий выпускает клубы морозного воздуха. На него со всех сторон сыплется матерная брань. Клопов нет, наверное, все вымерзли. Зато есть вши и крысы. Крыс много. И не только в нашем бараке. Днём на полянке за бараком доходяги, став кольцом, гоняют их по снегу. Когда загнанная, тяжело дыша и скаля зубы, она затихает, её глушат, а потом, обжарив на углях, съедают. Говорили, что вкусно. Не знаю, есть их мне не приходилось. Но всё-таки однажды наши интересы пересеклись. Была середина декабря. Получив и съев свою вечернюю порцию баланды, решил порцию Ольги Ивановны оставить на утро. Натянув на котелок вместо крышки свою лагерную шапку, поставил его под нары, чтобы не было видно соседям. Мысль, что утром меня ожидает дополнительная порция баланды, согревала. Завернувшись в бушлат, положив под голову рукавицы, заснул. Ночью несколько раз просыпался и незаметно для соседей, благо, было совсем темно, проверял, на месте ли котелок. А утром с досадой обнаружил, что в шапке дыра, из которой во все стороны клочьями торчит вата. Первая мысль, конечно, не о шапке, её можно починить, мысль о баланде. Если крыса утонула в ней, тогда, конечно, придется все вылить. Проверил ложкой, крысы нет. Как назло в баланде много гущи. Не выливать же её. Может прокипятить, но где? Да и вообще расстояние от шапки до баланды большое. Дотянуться до гущи она вряд ли могла. Мысленно представляю себе жирную, усатую крысу с длинным розовым хвостом. К горлу подкатывает тошнота, но голод сильнее. Осторожно сливаю жижу и ем гущу.

Каждый вечер после приема больных Ольга Ивановна вносит мою фамилию в списки освобождённых на завтра. Понимаю, что долго это продолжаться не может. Уже заходил нарядчик и вел с ней какие-то переговоры, при этом упоминалась моя фамилия. Похоже, что скоро мне опять придется идти в лес. А сил никаких. После двух последних недель моя пайка снизилась с четырёхсот до трёхсот граммов. На мне уже почти нет мяса, я это отчетливо ощущаю. Зад плоский, как доска. Кожа шероховатая, появились

коросты. Ночью всё время верчусь, болят кости и мышцы, не могу согреться, и слабость. Утром нет сил подняться. И ещё, хотя все время хочется есть, сама пища потеряла для меня вкус. Даже соль только щиплет язык. К тому же стала опухать нога, а язва увеличилась в размере, её края покраснели и ко всему этому куриная слепота.

Наконец, в конце декабря меня положили в больницу. Для большинства зеков это последняя ступень перед пропастью.